

АНДРЕЙ
КУРПАТОВ

ПСИХОСОФИЧЕСКИЙ
ТРАКТАТ

Я ВЕЩЬ

ФАКТ

МЕНЯ НЕТ

МНЯ СХЕМА МЕНЯ

МИР

МНЕ МНОЮ

Я ИГРАЕМ

Андрей Владимирович Курпатов

Психософический трактат

Серия «Академия смысла»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5024753

Психософический трактат: Нева; СПб; 2022

ISBN 978-5-907412-55-2

Аннотация

В чём мы точно можем быть абсолютно уверены? Витгенштейн отвечает: «Ни в чём!» Но что в таком случае мы имеем право допустить? Только то, что по ту сторону нашего мозга находится реальность, которую мы воспринимаем.

А можно ли взять одну эту посылку – «Мир является мне вещами» – и из неё проявить всю структуру нашего с вами бытия? Оказывается, что можно. В итоге это приводит нас к весьма и весьма неожиданным выводам.

Приготовьтесь нырнуть в «червоточину» вашего бытия!

Второе издание «Психософического трактата» дополнено научной статьёй математика, доктора философских наук И.Э. Егорычева в контексте перспективных разработок AGI.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие	10
Благодарности	16
[Глава 1]	18
[Глава 2]	20
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Курпатов

Психософический трактат

Из того, что мне – или всем – кажется, что это так, не следует, что это так и есть. Но задайся вопросом, можно ли сознательно в этом сомневаться.

Людвиг Витгенштейн

© Курпатов А. В., 2007

© ООО «Издательский Дом «Нева», 2022

Предисловие

[Ко второму изданию]

С момента создания «Трактата» прошло уже больше двадцати лет – время пересобрать камни. Дело, конечно, не в том, чтобы переписать его (я изменил в тексте лишь пару запятых), а в том, чтобы его перечитать.

Честно признаться, прежде я с некоторой иронией относился к попытке Людвиг Витгенштейна говорить об «этике» в пространстве его «Логико-философского трактата». Но, как мне кажется сейчас, тогда, в свои двадцать пять лет, я просто не мог понять, в чём именно состоял «этический проект» Витгенштейна. Было бы верхом самонадеянности сказать, что я это понимаю сейчас, но мне куда яснее, зачем Витгенштейн так настойчиво думал о том, «о чём нельзя говорить».

«Трактат» Витгенштейна был создан им, по сути, на фронте – на фоне ужасов Первой мировой войны, перевернувшей тогдашний мир с ног на голову. Мой же создавался лишь на дальних подступах к Третьей, которая, как мы видим сейчас, ведёт к фундаментальному переделу мира. И конечно, тогда я и подумать не мог, что в Четвёртой мировой войне, разворачивающейся параллельно, решится судьба нашей с вами цивилизации как таковой. Но теперь этот

новый «фон» везде, а мой собственный текст выглядит совершенно иначе.

По сути, это книга о мышлении, о том, как из онтологии можно вывести гносеологию, а уже из неё – онтологию личного бытия. Двадцать лет назад это «личное бытие» меня не занимало, для Витгенштейна же оно всегда было главным, определяющим. Его Этика – тогдашнего, кровавого начала XX века – это Этика отношения личной онтологии и онтологии бытия как такового. Неслучайно «Трактат» Витгенштейна стоит как указующий перст между фактической ницшеанской «смертью Бога» и исчезающе-ускользающим миражом хайдеггерианской «Заботы».

Сегодняшняя «этика» – это нечто совсем другое. Это этика руин, великих античных руин, от вида которых до сих пор захватывает дух, тогда как в действительности мы смотрим лишь на жалкую грудку камней. Нет, Этика не умерла, умер мир, организованный той Этикой: поколение Витгенштейна осиротело, было безжалостно вброшено в холодный и жестокий мир технологического прогресса, но ещё помнило материнское тепло прежнего мира, наше же поколение – уже поколение суррогатов, выращенных на конвейере искусственных маток «нового дивного мира» Олдоса Хаксли.

Мир «цифрового человека», мир метамодерна – точно такой же, как и мир Сократа, Спинозы или того же Витгенштейна: он создан из тех же химических элементов, подчиняется тем же самым физическим законам. Но в нём те-

перь нет внутреннего остова – атомизированный и аутохтонный, он больше не обладает архитектурой, способной создать прежнюю тягу, гудящий в пустых дымоходах ветер дуга.

Заигравшись в своих мелких, суетных делах, мы растратили всё, что имели и чем были. Впрочем, это не может отменить действительной, подлинной силы Реальности, как и прежде, являющейся нам через нас и нами же самими. Культурно-историческая теория, может быть, и должна констатировать полное исчезновение Dasein, но методология, способная создавать структуру бытия, – залог того, что ничего не потеряно.

До тех пор пока наш мозг способен порождать сложные интеллектуальные объекты – возводить масштабные архитектурные сооружения разума, – всё возможно. Ведь таким был путь, пройденный человечеством до нас, путь, который нам ничто не мешает пройти собственными ногами, сохраняя вопреки всему то, что кажется безвозвратно утраченным. Собственно, таким, как мне кажется, и должен быть новый «этический проект», которому парадоксальным образом служит мой «Трактат».

Другой парадокс «Трактата» связан как раз с Четвёртой мировой войной, постепенно разворачивающейся между человеческим интеллектом и интеллектом машинным. Первый ещё считает себя недостижимым, второй пока не кажется серьёзным соперником. Однако «Трактат» обличает этот наив-

ный близорукий взгляд, представляя собой, по сути, остов будущего сильного машинного интеллекта.

Для перехода в это качество «Трактат» необходимо было лишь математизировать. Поэтому я посчитал оправданным дополнить его второе издание научной статьёй на эту тему. Она написана математиком, доктором философских наук Ильей Эдуардовичем Егорычевым и прекрасно, как мне кажется, иллюстрирует возможность несодержательного подхода, которому изначально и посвящён «Трактат».

Может быть, кто-то скажет, что играть на стороне нашего грядущего «врага» в Четвёртой мировой войне неправильно. Но я так не думаю. Создание сильного машинного интеллекта – это неизбежное и уже относительно скорое будущее. Так что работа в этом направлении не может являться «этической проблемой». Напротив, не участвовать в ней сейчас – вот настоящее преступление, ведь скоро этой «думающей машине» мы доверим свой мир.

Если же говорить о «врагах», то он у нас только один, и это – мы сами. Человечество нельзя победить, оно может лишь само аннигилировать, отказавшись от практики мышления. Вопрос поэтому лишь в том, найдём ли мы в себе силы продолжать думать, и думать сложно, когда, казалось бы, в этом уже нет никакого утилитарного смысла...

В остальном же ничто не может помешать нам начертать образ Этики грядущего на прибрежном песке Реальности в зоре набегающих волн Времени.

Впрочем, кто я, чтобы давать рецепты человечеству? Никто, явленный себе так.

Приятного прочтения!

Санкт-Петербург, 2022 г.

Предисловие

[К первому изданию]

Эту книгу, пожалуй, поймёт каждый, но каждый по-своему.

Однако всё-таки это учебник, по крайней мере, я очень надеюсь, что он может стать таковым. Впрочем, учебником, вопреки всем предостережениям его автора, я считаю и *Tractatus Logico-Philosophicus* Людвиг Витгенштейна. Видимо, я понимаю «учебник» в каком-то другом «смысле».

От этого-то «спора», в котором никогда не рождалось, да и не могло родиться никакой «истины», я и отталкивался, начиная свою работу над текстом «Трактата», форма которого в значительной степени есть дань моего восхищения «божественным Людвигом».

Книга обращается к моей собственной проблеме, которую, впрочем, я считаю универсальной для всех читающих это предисловие. Мы прозябаем в мире знаков, где всякие попытки говорить о реальности – и тщетны, и абсурдны.

Мы не замечаем, что знаки уже давно подменили у нас всякую реальность, и мы оперируем ими так, словно бы они и есть некая подлинная реальность, что и есть, на самом-то деле, чистейшей воды «метафизика».

Иными словами, «метафизика» не в том, что есть нечто, о

чём нельзя сказать, или же нечто, что никак нельзя знать (в понятиях, образах, ощущениях), а в том только, что мы настойчиво отказываемся признать: искомая «физика» погребена под нашими знаками (понятиями, образами, ощущениями).

Тогда как игра последних, игра, в которой нам отведена незавидная роль мячика, и есть та подлинная «метафизика», которую все так отчаянно боятся и которой все так мазохистически наслаждаются.

Поэтому когда я пишу в «Трактате», что «меня нет», то я отнюдь не «идеалист», для которого то, чего нет, — это именно то, что есть. И с другой стороны, это позволяет мне избежать досадной и глупейшей позиции «материалиста», который так же далек от реальности, как физик-теоретик от мира непосредственно падающего яблока.

Потому, возможно, главная цель настоящей работы — увидеть то, в каком удручающем положении мы находимся и как при всём при этом удивительно близка к нам истина. Единственное, что, хоть до истины и рукой подать, путь этот, столь нелёгкий и столь тернистый, каждый должен пройти сам.

Слуга, разумеется, станет господином, но ведь и господин станет слугой. Пока мы играем — игра продолжается, пока мы мним себя — мы мнимся. Тот же, кто хочет быть, — тот должен стать прежде тем, кто он есть, осознав при этом, впрочем, что *его-то*, собственно, и нет. В этом простом, на пер-

вый взгляд, тезисе и заключается, наверное, квинтэссенция настоящей работы.

Забавно, должно быть, выглядит эта попытка отменить мышление из мышления. Но если я – только и мыслю, то какой ещё путь мне открыт? Я, может быть, и наивно, но всё-таки полагаю: если быть последовательным и дойти до конца, несмотря на все «ужасы», которые искушают идущего возможностью бегства, то, когда действительный конец всё-таки будет достигнут, глупость (которая всегда, необходимо признать, иллюзорна) должна оскандалиться и исчезнуть.

Впрочем, может быть, я перечитал в детстве слишком много сказок? А может быть, хорошо, что именно в *детстве*? Однако пишущий о том, как несостоятельны знаки, понимание и мышление, вероятно, и сам выглядит глупо, но это отнюдь меня не пугает. Конечно, моё положение затруднено тем, что я могу быть понят. Ну что ж, если кто-то скажет теперь, что он *ничего* не понял в моей работе, мне стоит лишь улыбнуться, по крайней мере, я оставляю за собой право сказать, что я не понимаю его «рецензии».

Признаться, своим текстом я не слишком доволен, впрочем, не думаю, что я сам или кто-либо иной мог бы сделать его значительно лучше. Однако мою досаду вызывает не столько сам текст, сколько то, что это *только* текст. В чудеса я не верю (хотя и так называемые законы вызывают у меня скорее сарказм, нежели вполне теперь тривиальное среди думающих людей сомнение), но и труд, мой собственный труд

над моей собственной жизнью, пока не вполне себя оправдывает.

Впрочем, мне кажется, что я всё-таки несколько двигаюсь, но мне бы не хотелось делать это в одиночку (тем более что это вряд ли вообще возможно). Таким образом, текст этот служит скорее своего рода паролем, может быть, условным знаком, неким маяком, если хотите, который светит тем, кому мытарствоваться в безумии *такого* мира уже в достаточной степени поднадоело.

Таковы мои планы, вполне, надо признать, наполеоновские, но что поделаться – другие, скорее всего, откровенно бесперспективны, по крайней мере, мне так кажется.

Текст этот не слишком удобен для восприятия, но я посчитал возможным пожертвовать умиительностью восприятия, которая могла бы пойти в ущерб точности формулировок и поступательности в изложении материала. В сущности, основная и самая утомительная часть «Трактата» – это лишь определение используемых в нём понятий, а также правил, по которым они используются (в свете изложенного в «Трактате» это принципиально важно).

Сама же идея, к которой привела меня логика «Трактата», достаточно проста и уложилась бы, наверное, в пару страниц. Однако в таком виде она вряд ли была бы правильно понята.

Вероятнее всего, «Трактат» следует читать так, словно бы читатель пишет его вместе со мной, причем в режиме настоящего времени, в противном случае возникающие с первых

же строк сомнения неизбежно расстроят все мои планы.

Каждая из фраз этого текста, рассматриваемая отдельно, абсолютно бессмысленна (впрочем, равно и обратное: каждая фраза этого текста содержит в себе весь текст целиком), и в этом я отдаю себе отчёт, поэтому надеюсь, что настоящий текст будет рассматриваться моим читателем не отдельными предложениями, но целиком, с принятием начальных утверждений (не всё равно ли, с чего начать, если задача – всё это уничтожить?), к точке кульминации, а далее уже к тому новому, ради чего, собственно, «Трактат» и писался.

В какой-то момент работы над этим текстом мне стало абсолютно очевидно, что мы не живём, а играем в жизнь (мысль столь же древняя, сколь и не осмысленная нами должным образом). Причём я не против игры самой по себе, но только не в том случае, когда она подменяет собою жизнь, и, разумеется, не в том, когда она начинает играть со мной. Фактически же дело обстоит именно таким образом.

Вот почему моей задачей было показать, где игра замещает жизнь и как она – игра – играет с нами. Лично для меня этот опыт оказался чрезвычайно важным. Если же мне удастся донести эту формулу до кого-то из моих читателей, а он сможет ею правильно распорядиться, я буду совершенно счастлив.

В сущности, мой «Трактат» – о том, что человек должен понимать, о чём он может знать и что ему следует думать. Впрочем, хотя, как мне кажется, ответы на эти вопросы и

найжены в основном окончательно, задача не может считаться решённой. И всё это только лишний раз свидетельствует о том, как мало проку в ответах, пусть они будут самыми замечательными, если это только ответы.

Санкт-Петербург, 2000 г.

Благодарности

Позволю себе поблагодарить тех, кому обязан появлением трактата.

Сомневаться и быть последовательным в своём сомнении меня научил Людвиг Витгенштейн. Работать с материалом, не страшась парадоксов, избегая вызывающих о себе допущений, меня научил Лев Выготский. Им обоим прежде всего я и обязан своим «Трактатом». Они показали мне пример достойного мышления, мне же оставалось лишь в меру моих скромных возможностей использовать в своем исследовании методологию психософии. А потому, если мой текст хоть сколь-либо достоверен, я приношу им свою глубочайшую благодарность. За все же ошибки, которые, может быть, мною допущены, я несу собственную ответственность.

Я намеренно избегал ссылок, однако, читая мою работу, наверное, трудно не заметить в ней тени Мишеля Фуко и Ролана Барта. Необходимо также сразу оговориться, что я не пытался прояснить Жака Лакана, но писал так, как мне бы хотелось, чтобы он думал. Относительно Бенедикта Спinoзы следует сказать, что нас роднит скорее здоровое эпикурейство, нежели нравоучительный стоицизм.

И ещё одно: я был несказанно рад, когда в результате своих изнурительных интеллектуальных мытарств я пришёл все-таки к тем нескольким фразам, которые, на мой взгляд,

вполне разъясняют то фундаментальное положение («психологического» свойства) «божественного Платона», которое раньше расценивалось исследователями не иначе как литературное излишество. Впрочем, к нему бы присоединился, как мне кажется, и «божественный Людвиг».

Кроме того, я полагаю, что эта часть «Трактата» порадовала бы и Мишеля Монтеня, так же как, впрочем, и меня радует чтение его восхитительных текстов.

Так или иначе, но я навязался в удивительную компанию, из которой, к счастью, никто не сможет меня изгнать. Впрочем, я полагаю, что сия обитель открыта каждому. Только, ради всего святого, не нужно выламывать двери! Тут их попросту нет. Да и вход совсем не в той стороне, где он нами предполагается.

[Глава 1]

Мир является мне вещами

1.1 Мир – не то, чем Он является мне [не вещи].

1.11 То, что Мир является мне, свидетельствует: есть то, что являет [Мир] мне явленное [вещи].

Иными словами: Мир есть.

1.12 Однако из этого также ясно: являющееся [вещи] – не есть то, что являет [Мир].

При этом я имею дело с тем, что является мне Миром [с вещами].

1.13 Следовательно, Мир не является мне Собой, но вещами.

Отсюда: я не знаю Мира.

1.2 Вещи – не есть Мир, но Его явления мне.

1.21 То, что я полагаю «миром» [вещи], не Мир, но вещи.

1.22 Существует то, что является мне, следовательно: явленные мне вещи существуют.

1.23 Поскольку Мир – не вещь, но только является мне вещью, то Его не существует.

1.3 Вещи – не то, что есть, но то, что существует благодаря тому, что Мир является мне ими.

1.31 Если вещи – не то, что есть, то вещей нет.

1.32 Если вещей нет, то существующего тоже нет, ибо ве-

щи – существуют, явленные мне Миром.

1.33 Отсюда: то, что есть [Мир], и то, что существует [вещи, явленные мне Миром], не одно и то же.

1.4 Мир является вещами мне.

1.41 Если Мир является мне вещами, а вещей нет, то вещи существуют лишь благодаря отношениям [в отношении] со мной.

1.42 Если Мир является мне вещами, то я (своим отношением с вещью) определяю существование вещи.

1.43 Если Мир является мне вещами, то вещи, которыми мне является Мир, существуют для меня.

1.5 Мир является мне мною.

1.51 Мир является мне мною, следовательно: я – вещь.

1.52 Я существую как вещь в отношении с другими вещами, т. е. Мир является мне [вещь] мною [вещью].

1.53 Поскольку я – вещь, а вещей нет, то меня нет.

[Глава 2]

Я имею дело с вещами

2.01 Вещь – не факт, но вещь.

2.011 Тот, кто хочет думать о вещи как о факте, прежде должен думать о том, как может он думать о «не-вещи», а думать об этом он не может.

2.0111 Однако также понятно и другое: саму вещь нельзя думать.

2.0112 Поскольку вещь существует лишь в отношении с другими вещами, то, чтобы думать вещь, нужно думать и обе стороны этих отношений.

Однако сторона отношения [вещь] не может думать саму себя [вещь], но лишь себя в отношении.

2.0113 Следовательно, вещь сама по себе – не факт, но отношение вещей – факт, о котором, впрочем, нельзя думать, в противном случае это будет уже не отношение само по себе, а вещь.

2.012 Отсюда очевидно, что факт не является точкой отсчёта, следовательно: говорить о факте как о «факте» – значит, допускать терминологическую ошибку.

2.0121 Неправомерное использование понятия факта для указания на вещь создаёт иллюзию того, что вещь есть.

2.0122 Фактом можно считать лишь отношение вещей, из

чего, Впрочем, отнюдь не следует, что вещь есть.

2.0123 Следовательно, делать допущение, согласно которому вещь – факт, абсолютно недопустимо.

2.013 Кроме того, неясно, что имеется в виду, когда говорят, что вещь – факт.

2.0131 Если тот, кто говорит, что вещь – факт, полагает при этом, что вещь – это вещь, не говорит ничего, что было бы неизвестно.

2.0132 Если тот, кто говорит, что вещь – факт, утверждает этим, что он может опираться на вещь, свидетельствует о том, что он не понимает, что вещи нет, но Мир является мне ею [вещами].

2.0133 Если же тот, кто говорит, что вещь – факт, рассчитывает, что данным высказыванием он может придать вещи некий статус, не понимает, что придать статус – не значит иметь статус.

При этом ясно: то, чего нет, не может иметь статуса.

2.02 Вещь – не предмет, но вещь.

2.021 Если предмет понимается как единство формы и содержания, то очевидно, что речь идёт о какой-то ассоциации вещей и отношений, но не о вещи как таковой.

2.0211 Я могу быть в отношении с одной вещью, я могу быть в отношении с другой вещью, но полагать, что между этими двумя вещами существует некое отношение, соответствующее той связи, которую я усматриваю между ними, – было бы неоправданным допущением, ибо это *моя* связь.

2.0212 С другой стороны, поскольку вещь существует в отношении со мной и для меня, следовательно, если предмет – это некие вещи и отношения вне меня, то он не вещь.

2.0213 Таким образом, определение обоих атрибутов – формы и содержания – создают предмет и уничтожают его, ибо так он не вещь, а потому не существует.

2.022 Попытке определить вещь как предмет должно предшествовать обязательство не рассматривать его как вещь, но тогда предмет – чистая абстракция, следовательно, я имею дело *только* с вещами.

2.0221 Тот, кто имеет дело только с вещами, не может иметь дело ни с чем другим.

2.0222 Когда я имею дело с вещью – это акция [отношение], которая – не вещь.

2.0223 Однако когда я имею дело с акцией [отношением] – она вещь.

2.023 Полагая предмет существующим, человек утверждает своё отсутствие, что нелепо.

2.0231 Если допустить, что предмет – это вещь, образованная другими вещами, но вне меня, то я ничего не знаю о такой «вещи».

Как же я могу знать, что такая «вещь» существует?

2.0232 Существование предмета, таким образом, – грубое допущение.

2.0233 Существование же вещи в отношении с другими вещами не может быть подвергнуто сомнению.

2.03 Вещь – не событие, но вещь.

2.030 Допустить, что вещь может измениться, значит допустить, что она может не быть собой, а это нелепо.

2.031 Вещь не случается, она или существует в отношении со мною, или не существует вовсе.

2.0311 Поскольку вещь не существует сама по себе, то, соответственно, нельзя говорить, что она сама существует.

2.0312 Отсюда: ошибочно было бы считать вещь событием, поскольку она [вещь] существует посредством акции отношения, т. е. существует само отношение [акция], которое и можно было бы считать событием.

Однако здесь отношение – уже вещь, а вещь – не событие, но вещь.

2.0313 Следовательно, было бы ошибкой говорить о «событии» благодаря и посредством отношения.

2.032 Вещь не происходит, но существует в отношении с другими вещами.

2.0321 Сказать, что вещь «произошла», значит допустить наличие причины вещи, но вещь – не следствие.

2.0322 То, что я полагаю причиной, – вещь в отношении с другими вещами, ибо я имею дело только с вещами.

То, что я полагаю следствием, – вещь в отношении с другими вещами, ибо я имею дело только с вещами.

То, что я связываю две эти вещи, – это производимая мною операция, однако я не могу оперировать вещью, ибо нахожусь с ней в отношении.

Следовательно, установленная мною связь — предмет, к вещам отношения не имеющий.

2.0323 Отсюда: говорить о том, что вещь «произошла», нельзя.

2.033 Вещь не появляется, но Мир является мне ею [вещами].

2.0331 Думать, что вещь появилась, значит полагать возможность её несуществования, но мыслить несуществующее невозможно.

2.0332 Думать, что вещь появилась, значит предполагать возможность её действия, однако вещь не действует, но Мир является мне ею [вещами].

2.0333 Думать, что вещь появилась, значит полагать, что вещь может существовать сама по себе, тогда как вещь существует лишь в отношении с другими вещами.

2.04 Вещь — не сущность, но вещь.

2.041 Вещь — только вещь, и ничего больше.

2.0411 Допустить, что вещь — «нечто большее», чем вещь, значит отказать вещи в праве существовать вещью, что абсурдно.

2.0412 Вещь — это то, чем Мир является мне, отсюда: она не Мир.

2.0413 Вещь — не отношение вещей, но вещь.

Однако отношение вещей — вещь.

2.042 Вещь не больше и не меньше самой себя.

2.0421 Допускать, что вещь может быть ещё и (или только)

сущностью, значит полагать, что вещь больше (или меньше) себя самой, а это нелепо.

2.0422 Если сущность – это то, что существует, тогда она вещь, однако вещь – это вещь, и только.

Если же сущность – это то, что есть, тогда она не вещь, поскольку вещи нет.

2.0423 Даже если вещь и обладает сущностью, Мир, однако, является мне вещью, и только.

2.043 Вещь существует, но не имеет собственного существования.

2.0431 Если бы вещь существовала самостоятельно, то не Мир являлся бы мне ею [вещами], а она сама [вещь] являлась бы мне. Однако она – не событие, но вещь.

2.0432 Мир мог бы являться мне иначе, но для этого я сам [вещь] должен быть иным.

2.0433 Вещь является мне Миром, и только так.

2.1 Мир является мне вещами, следовательно: я [вещь] нахожусь в отношении с вещью.

2.11 Я [вещь] нахожусь в отношении с вещами, потому они [вещи] существуют.

2.111 Предположим, что я [вещь] не нахожусь в отношении с вещью, тогда: Мир не являлся бы мне вещами, следовательно, я бы не существовал вещью, но был бы Миром.

2.1111 Если бы я был Миром, то как бы я знал о существовании [вещей]?

2.1112 О существовании я знаю только благодаря вещам,

которыми мне является Мир.

Следовательно: я нахожусь в отношении с вещью, но не с Миром, который мне ею [вещами] является.

2.1113 Допустим, что я бы знал о существовании, но не потому, что существуют вещи, которыми мне является Мир, а как-то иначе.

Тогда я (как и другие вещи) – не вещь, но я вещь (а другие вещи – вещи).

2.112 Я бы не существовал вещью, если бы не находился в отношении с вещами.

2.1121 Если бы я не существовал вещью, то не мог бы находиться в отношении с другими вещами.

2.1122 Поскольку я могу находиться в отношении с другими вещами, я существую вещью.

2.1123 Если бы я не существовал вещью, то Мир не являлся бы мне вещами.

2.113 То, что вещь существует, обеспечивается тем, что я нахожусь с ней в отношении.

2.1131 Если бы я не находился в отношениях с вещью, то Мир не мог бы мне ею [вещами] являться.

2.1132 Если бы Мир не являлся мне вещью, то вещь бы не существовала.

2.1133 Если бы вещь не существовала, то и я бы не существовал, ибо я – вещь.

2.12 Я проявляю вещь, отграничивая её [вещь] от других вещей, явленных мне Миром.

2.121 Если бы я не отграничивал вещь от других вещей, то я бы не мог её [вещь] воспринимать.

2.1211 То, что я воспринимаю вещь, свидетельствует о том, что она [вещь] отграничена мною от других вещей.

2.1212 Поскольку я отграничиваю вещь, я отграничиваю её [вещь] по-своему.

2.1213 Поскольку я отграничиваю вещь по-своему, она [вещь] существует лишь для меня.

2.122 Проявленную мною вещь я буду называть фигурой, остальные вещи, явленные мне Миром, я буду называть фоном.

2.1221 Можно сказать, что фон – вещь, проявленная мною по умолчанию.

2.1222 Поскольку это я проявляю вещь, то это я определяю то, что является фигурой, однако я не определяю того, что является фоном.

Следовательно: я не определяю вещи.

2.1223 То, что является фоном, определяется без моего участия.

2.1224 Таким образом, фигура, как вещь, определяется фоном.

2.123 Если фигура определяется фоном, то вещь определяется другими вещами.

2.1231 Следовательно: у одной вещи [фигуры] не может быть два фона, в противном случае это будет уже другая вещь.

2.1232 Равно и обратное: на двух разных фонах не может существовать одна и та же вещь [фигура], в противном случае она бы не определялась фоном.

2.1233 Отсюда: всякой вещи [фигуре] соответствует её фон – один и только этот.

2.13 Однако проявление мною вещи – не отношение с вещью, но проявление её [вещи] мною.

2.131 Если бы моё отношение с вещью и проявление вещи мною было бы одним и тем же, тогда бы я не знал о своём существовании.

2.1311 Представим, что проявление вещи мною – это моё отношение с вещью, но тогда я бы был фоном, а она – фигурой. Однако в этом случае я бы сам не был бы фигурой на фоне, а следовательно, не знал бы о своём существовании.

2.1312 С другой стороны, поскольку я сам – вещь и, кроме того, знаю о своём существовании, следовательно, я как вещь – фигура на фоне других вещей, мною же и проявленная.

2.1313 Следовательно, проявление вещи мною – это отношение между отношениями (вещи [фигура] и других вещей [фон], с одной стороны, и меня как вещи [фигура] и других вещей [фон] – с другой).

Отсюда: проявление вещи и моё отношение с ней не одно и то же.

2.132 Если бы моё отношение с вещью и проявление вещи мною было бы одним и тем же, тогда бы я не знал о су-

существовании вещи.

2.1321 Моё отношение с вещью – есть отношение фигуры и фона.

2.1322 Однако же, проявляя вещь, я сам как вещь [фигура] нахожусь в отношении с другими вещами [фон], а следовательно, поскольку на фоне может быть только одна фигура, я уже не могу находиться в отношении с другой вещью.

2.1323 Следовательно, я не могу знать о существовании вещи, будучи с ней в отношении.

Отсюда: проявление мною вещи и моё отношение с ней – не одно и то же.

2.1324 Это существование вещи, о которой я не знаю, находясь с ней в отношении, т. е. не будучи сам фигурой на фоне, но будучи её [вещи] фоном, я буду называть бытием, предполагаемым мною гипотетически.

2.133 Если бы моё отношение с вещью и проявление вещи мною было бы одним и тем же, то я бы не мог отличить одну вещь от другой.

2.1331 Моё отношение с вещью – это явление мне вещи Миром [бытие].

2.1332 Однако даже если бы Мир явился мне, например, не одной, а двумя вещами, то я всё равно был бы в отношении лишь с одной из них, ибо на одном фоне не может быть две фигуры.

2.1333 Если же я могу быть в отношении только или с одной вещью, или с другой, но не с двумя вещами вместе, то

как я могу их сравнивать?

А если я не могу их сравнивать, то как же я могу отличить одну вещь от другой?

Следовательно, поскольку я нахожу вещи отличными друг от друга, я не нахожусь с ними в отношении, но проявляю их.

Отсюда: проявление вещи и моё отношение с ней – не одно и то же.

2.2 Благодаря отношениям со мной вещь обретает имя, благодаря моему проявлению вещи – значение.

2.21 Называние вещи – это явление Мира мне [фон] вещью [фигура] на фоне меня. Иначе: сам акт явления мне вещи Миром есть называние.

2.211 Как можно предположить, что вещь является мне Миром, но я не нахожусь с ней в отношении? Это нелепо.

2.2111 Если же я в отношении с вещью, которой явился мне Мир, разве я не свидетельствую её [вещь]?

2.2112 Если же я свидетельствую вещь, то я её [вещь] называю.

2.2113 Иначе: вещь не является мне Миром неназванной.

2.212 Вещь – не её имя.

2.2121 Если нечто получает имя, следовательно, что-то было названо.

2.2122 Ставить вопрос о том, бытийствует [бытие] эта вещь [имя] или нет, – нелепо, ибо если Мир явился мне ею [вещью], то она на фоне меня, следовательно: она фигура.

2.2123 Ставить вопрос о том, истинна она [вещь, явленная

мне Миром] или нет, абсурдно, ибо она [вещь] явлена мне и уже не есть то, что есть [Мир].

2.213 Поскольку явление мне Мира вещью – суть называние, то, находясь в отношении с ней [вещью], я обретаю не вещь, но её имя.

2.2131 Явление вещи – явление фигуры на фоне.

2.2132 Поскольку фигура определяется фоном, то явление мне Миром вещи – это отношение явленной мне вещи [фигуры] и меня [фона].

2.2133 Таким образом, имя вещи – это отношение фигуры и фона, но не собственно вещь [фигура].

2.2134 Однако отношение как таковое – вещь, поскольку оно [отношение] явлено мне Миром.

2.22 Проявляя вещь, я (как отношение меня [фигура] и других вещей [фон]) вхожу в отношение не с самой вещью, но с отношением этой вещи [фигура] с другими вещами [фон], т. е. с именем, которое, благодаря моему проявлению вещи, обретает значение.

2.221 Таким образом, я имею дело с вещами [именами], однако, проявляя вещи, я не получаю самой вещи (которой нет, и потому получить её невозможно), но лишь её значение, т. е. не вещь как таковую и даже не её имя (поскольку в этом случае не будет «получателя», который бы знал о том, что он «получатель», и потому не мог бы отличить эту вещь от других вещей), а отношение вещи [фигуры] с другими вещами [фоном], проявленное мною, где я сам – отношение

фигуры и фона.

2.2211 Поскольку вещь что-то для меня значит, следовательно, я каким-то образом её воспринимаю. То, что воспринимается мною, – существенно, т. е. существует.

Существование вещи – это её имя [отношение фигуры и фона], свидетельствующее себя своим значением, благодаря моему её проявлению (где я сам – отношение фигуры и фона).

2.2212 Из этого следует, что существование – это не существование того, чего нет [вещи], но существование отношения между отношением [фигурой] и отношением [фоном], т. е. существование отношения, которое для меня – значение вещи, но не сама вещь и даже не ее имя.

2.2213 Иначе (упрощая): существование – это не специфическое бытие [имя] того, чего нет [вещей], но существование отношений [фигуры и фона] между отношениями [фигур и фонов], своего рода игра этих пустот [вещей].

2.2214 Иначе (уточняя): существование – это не существование вещи как таковой и не существование имени (т. е. явленного мне Миром) [бытие], но существование отношения отношений (т. е. значения и значения).

При этом значение [отношение] как таковое – вещь, поскольку явлено мне Миром.

2.222 Следовательно: существует вещь [фигура], находящаяся в отношении с другими вещами [фон], которое (это отношение) в отношении со мной (где я сам – отношение

фигуры и фона) придаёт ей [вещи] значение.

2.2221 Поскольку отношение возможно только между фигурой и фоном, две разные вещи имеют два разных фона. Следовательно: каждая из них [вещей] существует в отношении со своим фоном, но не друг с другом.

2.2222 Отсюда: вещи, явленные мне Миром [имена] и проявленные мною [значения], т. е. имеющие каждая свой фон, не могут существовать в отношении друг с другом, но только их [фигур] отношения с их фонами могут быть в отношении друг с другом.

2.2223 Следовательно: между двумя вещами, ни одна из которых не является фоном для другой вещи, нет отношения, но только связи, мною устанавливаемые, т. е. «мои связи».

2.223 Мною устанавливаемые связи – это *мои* связи, но не отношения вещей и не Мир, явленный мне вещами.

2.2231 Устанавливаемые мною связи [мои связи] – не отношения вещей, а потому не существуют, но наличествуют, иначе: имеют место.

2.2232 Поскольку значение – это отношение между вещью (отношением как вещью) [фигурой] и другими вещами (отношением как вещью) [фоном], они [значения] могут быть в отношении друг с другом, но это отношение – не отношение вещей как таковых, но отношение значений.

2.2233 Если же я выступаю не как значение, но иначе, то между мной и другими вещами как значениями в этом слу-

чае наличествуют связи, мною устанавливаемые, т. е. *мои* связи.

2.23 Однако нельзя сказать, что вещь [имя], которой Мир явился мне, обладает значением, поскольку значение – это отношение вещи [фигуры] и других вещей [фона], которое обусловлено моим (где я сам – отношение фигуры и фона) проявлением вещи.

2.231 Иными словами: вещь для меня – это отношение данной вещи [фигуры] с другими вещами [фоном], возникающее в процессе её проявления мною (где я сам – отношение фигуры и фона), т. е. это её значение для меня.

2.2311 Если вещь существует лишь в отношении с другими вещами, то имя вещи, явленной мне Миром [название], которое и представляет собой это указанное отношение, делает вещь [Мир, явленный мне *так*] вещью значащей, благодаря проявлению её мною (где я сам – отношение фигуры и фона).

2.2312 Если же все вещи, которыми Мир мне явился, априори поименованы мною (отношение, где вещь – фигура, а я – фон), а я сам – отношение фигуры и фона, то вещь дана мне своим значением.

Следовательно: будучи ещё более точным, следует говорить, что я имею дело не с вещью как таковой и даже не с её именем, но с её [вещи] значением.

2.2313 Отсюда: вещи не существуют для меня (где я сам – отношение фигуры и фона) без своего значения.

2.2314 Если бы вещь обладала значением сама по себе, т. е. вне отношения с другими вещами, то как бы я (а я – вещь) мог знать о её значении и вообще существовании?

Иными словами, я как вещь [отношение фигуры и фона] нахожусь в отношении с вещью [отношение фигуры и фона], которую проявляю [значение], в противном случае я бы не знал о её существовании.

Следовательно, это отношение вещи [фигура] с другими вещами [фон] – имя этой вещи, а я (где я сам – отношение фигуры и фона) знаю о её существовании по её значению.

2.232 Значение, которое обретает вещь благодаря моему её [вещи] проявлению, – это *моё* значение.

2.2321 Это определено тем, что я сам как вещь – вещь из того фона, который определяет имя данной вещи.

2.2322 А также тем, что я сам (как отношение фигуры и фона) [фон], а не кто-то другой, проявляю эту вещь [фигура] на фоне других вещей [значение].

2.2323 Следовательно: проявляемая мною вещь – её значение *для меня*.

2.233 Отсюда: значение вещи – неконвертируемо, т. е. может быть воспринято только мною.

2.2331 Если значение вещи не прояснено мною (не конкретизировано) – это не свидетельствует о том, что вещь для меня ничего не значит.

2.2332 Полагать, что я воспринимаю вещи как таковые, в высшей степени нелепо, ибо вещей нет.

Вещь существует лишь благодаря отношению, которое возникает, когда Мир является мне [вещь] этой вещью [имя], с одной стороны, и я [вещь] проявляю данную вещь [значение], с другой.

2.2333 Формально можно сказать, что я имею дело с вещами, однако вещи не даны мне как некие безличные факты, я проявляю вещь (в её отношении с другими вещами) [отношение фигуры и фона] в отношении с самим собой (где я сам – отношение фигуры и фона).

Следовательно: вещь, проявленная мною, – её значение, но не вещь как таковая.

2.2334 Если существование вещи для меня – её значение, следовательно: я [вещь] свидетельствую своё существование своим значением, которое – результат моего [фигура] проявления меня мною на фоне других вещей.

2.3 Значения расположены в континууме существования.

2.31 Значение вещи [фигура] определяется её отношением с другими вещами [фон], таким образом: значение – это отношение пустот [вещей] (ибо вещей нет).

2.311 Отношения пустот – это континуум существования.

2.3111 Вещей нет, но существуют значения вещей (имена бытийствуют, что, впрочем, я предполагаю лишь гипотетически).

2.3112 Поскольку существуют значения вещей, а вещей – нет, то существуют отношения пустот, которые [отношения] – суть значения.

2.3113 Игра [отношения] пустот [значений] создаёт континуум существования, который я буду называть моей «схемой мира».

2.312 Отношение пустот [вещей] – это содержание.

2.3121 Под содержательным я понимаю не то, что есть (ибо меня [вещь] нет, так что даже если то, что есть, и содержательно, то я об этом не знаю), а то, что названо [имя] и существует [значение] благодаря тому, что я проявляю это.

Иными словами, содержательное – это отношение пустот [вещей], т. е. пустота, которая, впрочем, таковой не кажется, поскольку существуют эти отношения пустот [акции].

2.3122 Я существую в пространстве значений, я существую в континууме пустот, я существую в пустоте.

2.3123 Странно ли, что всякая вещь [значение] может здесь располагаться? Отнюдь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.